

Мавзолей

Часть третья

Фантастическая драма идей
в четырех действиях

Эпиграф

*Всё кончено. Не стану возражать.
Ладони бы пожать – и до свиданья.*

Иосиф Бродский

Действующие лица

Ленин

Троцкий

Хрущев

Горбачев

Ельцин

Клинтон

Хаммер

Бухарин

Лужков

Березовский

И другие персонажи, включая сотрудников АП, деятелей из Госдепа, банкиров из мировой закулисы, Егора Лигачева и Варлама Шаламова.

Действие первое

Сцена первая

Кабинет генерального секретаря ЦК КПСС товарища Горбачева.

Входит Бухарин.

Горбачев. Привет, Николай. Проходи, садись. Посоветоваться хочу с тобой.

Бухарин. Так я же расстрелянный – как враг народа. Со мной нельзя советоваться. А если Сталин узнает?

Горбачев. Ничего, ничего. Я тебя реабилитировал, а мандат у меня от товарища Ленина. Так что наша карта сильнее. Авось справимся.

Бухарин. Вам виднее. А я его до сих пор боюсь, хотя, кажется, давно уже и нечем.

Горбачев. Ну ладно тебе, Коля, хорош. Давай к делу, это всё потом будем разводить. Вот ты скажи, как мне из петли-то выскочить. Народ вроде и не хочет ничего конкретного. Но денег нет, кормить нечем, и работать не хотят. То ли даром не хотят, то ли по привычке.

Бухарин. Надо вожжи отдать потихоньку, авось тогда тебя и не заметят, ну и соскочишь. В суতোлке.

Горбачев. В какой суতোлке?

Бухарин. Ну, ты вожжи бросишь – будет свалка. Тут можно отойти незаметно. Пока они шапку Мономаха будут примерять да делить.

Горбачев. Ты думаешь, все пройдет незаметно? Но ведь такой колосс! Столько жизней положено в основание.

Бухарин. Наверно, как-то все не так пошло, как хотели. Я не знаю. Я наивный был. Я верил. Чего ты вообще меня позвал?

Горбачев. А кого? Ты романтик. Я тоже. Я и подумал...

Бухарин. А ты как вообще попал на это место? А! Похоже, никто больше особо не хотел.

Горбачев. Да нет, хотели, еще как. Я не хотел, но попал. Все мы случайно на это место попадали, я так понял. И само место случайно появилось. Ну, в этом виде проекта.

Бухарин. То есть ты работать-то не собирался? Так, посидеть в уголке, что ли, пришел? Место грел? Для кого?

Горбачев. Ладно, спасибо. Не помог, но утешил, а это немало.

Бухарин. Если что – зови. Ну, вдруг опять утешение понадобится.

Смеется и уходит.

Горбачев (*в приемную*). Кто-то еще есть там у вас?

Приемная. Ждет еще Арманд Хаммер. Давно уже записывался. Еще до вас. Извините.

Горбачев. О, отлично. Давайте-ка я его приму, раз давно ждет.

Сцена вторая

Горбачев и Хаммер.

Горбачев. Проходите, дорогой Арманд, присаживайтесь. Вот сюда давайте (*указывает на кресла в углу.*) Очень рад, что заглянули. Были по делам в Москве?

Хаммер (*озираясь*). Да, был по делам. И дай, думаю, чем черт не шутит, загляну. Ну, сначала в мавзолей, разумеется. А потом уже к вам. Как вы, обживаетесь?

Горбачев. Да вот первый день только. Вхожу в курс. Многое, конечно, знакомо. Но многое – и нет. Главное – что делать? Хозяйство в упадке, ВПК высосал все, что было. Людей буквально нечем кормить, нужны деньги. Доходы от внешней торговли сильно упали. А надо покупать хотя бы продовольствие. И так – талоны, талоны, талоны.

Хаммер. Займите на Западе. Сейчас удобный момент. Объявите разрядку, Штаты будут в восторге. Объедините Германию, и немцы будут готовы на все ради вас.

Горбачев. Так можно и Нобелевскую премию мира получить.

Хаммер. А то!

Горбачев. Но смысл всего ведь не в этом, я так понимаю. Смысл в полном сворачивании проекта. Я так понял, когда был в мавзолее и, как сказал поэт, чистил себя.

Хаммер. Ну так и сворачивайте красиво. Закладки на будущее все равно нужны. Возрождение проекта неизбежно. Я так понимаю.

Горбачев. Вы думаете, я пока за всем этим хаосом и неразберихой не вижу перспективы? Сбился?

Хаммер. Давайте я побегаю по своим и вам сообщу, что да как и на что можно рассчитывать. Не унывайте. Все будет и отлично и хорошо.

Горбачев. Да уж. Спасибо, дорогой Арманд, не смею вас более задерживать. Вы человек дела. А это дорого вас задерживать.

Хаммер. Спасибо, что приняли. Буду держать вас в курсе.

Хаммер уходит. Свет гаснет.

Сцена третья

Где-то в Финляндии. На озере. Горбачев и Кекконен удят рыбу.

Кекконен. Спасибо, что согласились приехать, приняли мое предложение порыбачить. Я уже не могу передвигаться далеко от резиденции. А поговорить мне с вами надо.

Горбачев. Я с удовольствием. Мы же давно знакомы. И вы – легенда, и левого движения, и международной политики. Без вас послевоенный мир был бы другим

Кекконен. Мне лестны ваши преувеличения. Спасибо. Я вот, собственно, про что. Как вы понимаете, мы тут все за всех. Но Владимир Ильич один. Нам, финнам, он особенно дорог.

Горбачев. Понимаю и не понимаю. Вы тоже считаете, что он живее всех живых?

Кекконен. Да, в каком-то смысле я так считаю. И даже уверен в этом. Его влияние огромно. Хотя и незаметно. Он сам так захотел. Так вот, он в молодости любил говорить, что для того, чтобы объединиться, надо хорошенько размежеваться. Я напоминаю вам

эту фразу, которую вы и сами прекрасно, я уверен, знаете. Не просто так напоминаю, а для нашего разговора.

Горбачев. Фраза знакома, а контекст вы, наверное, сейчас мне поясните. Ну, ее нынешнее звучание.

Кекконен. Разумеется. Вам предстоят трудные времена и сложные решения. Не старайтесь удержать то, что уже невозможно удержать. В этом случае не будет много крови – и это неплохая цель.

Горбачев. Что вы имеете в виду? Распад СССР?

Кекконен. Вы не случайно стали генеральным секретарем. Мне говорили, что вы смысленый. Я убедился – схватываете на лету. Вы поймете, что никто не против, ибо все понимают: это неизбежно.

Горбачев. Вы имеете в виду, что мы соберем потом весь наш мир вновь? В границах послевоенных и даже больше?

Кекконен. Произойдет и развал Варшавского блока, и Союза, и объединение Германии, и много чего еще, чего ни вы ни я не знаем. Я лишь пытаюсь дать вам повод задуматься. Над происходящим и вашей уникальной ролью в этом будущем процессе.

Горбачев. Обеспечить это всё мирным путем, без жертв. Я понимаю. Но неизбежно создаются гештальты у всех на будущее. Это вы понимаете?

Кекконен. Это мы понимаем, но это неизбежный побочный эффект, который, конечно же, отяготит будущее всех участников – вольных и тем более невольных. Но так всегда в политике.

Горбачев. Ну да. Черт, вот у меня так и не клюет, а вы вон сколько наловили!

Кекконен. Но мы же вместе. Попролам как раз (*смеется*) разделим. Пойдемте. Холодно и пора перекусить немного, пока уха будет вариться. Продолжим в доме.

Сцена четвертая

Дача где-то под Москвой, некоторые члены Политбюро и силовики собрались на шашлыки у товарища Лигачева.

Лигачев. Ну вот вы мне скажите, где Горбачев? Ну какого черта мы не можем решить ни одного вопроса?

Слюньков. Михаил Сергеевич в Германии, это что – тебе неизвестно? Деньги нужны, нужно продовольствие, одежда, скоро зима. Мы вообще без запасов остались.

Лигачев. Да черт с ними, с деньгами. Мы совершенно теряем идеологию. Позволяем черт знает что. Идеологический отдел творит бог знает что.

Яковлев. Ну что творит наш отдел? Уж Нину Андрееву не мы подговаривали письмо писать (*смеется*) про «не могу поступаться принципами». Откуда что взялось.

Лигачев. Да ладно вам – вы стали разрешать немыслимое, поэтому коммунисты не могли молчать. Настоящие.

Яковлев. А вы куда народ всей этой бодягой клоните? Вы же не можете не понимать, что инерция настроений от этого не переменится, а напряженность возрастет. Вы слышите глухой ропот? Слышите? Как его можно газетными статьями перебить?

Чебриков. Правильно – сажать надо.

Яковлев. Ну вот еще и это. Чтобы погуще каша заварилась.

Демичев. Ну а вы-то что предлагаете? Вседозволенность?

Яковлев. Надо разводить пожиже все это, иначе не протечет и засорится. Надежда только, чтобы не застряло. Закупорится – тогда конец. Ни от нехватки еды, а от закупорки коммуникаций. Придет конец всему этому.

Лигачев. Это вы бросьте – разводить пожиже. Знаем, чего вы хотите, – выплеснуть марксизм-ленинизм. Вы, троцкисты, всегда этого хотели. Мало хозяин вас перестрелял. Не смог всех извести.

Слюньков. Пойдемте, шашлыки ждать не будут, а ваши троцкисты, или кто там у вас, подождут. Правильно?

Лигачев. Да, идемте быстрее, я голодный.

Яковлев. Надеюсь, может, потом твой пыл слегка спадет.
(Смеется.)

Лигачев. Живи пока.

Сцена пятая

Кремль. Кабинет Горбачева.

Горбачев разговаривает по телефону.

Горбачев. Нет, вы мне доступно объясните: кто разрешил закрывать мавзолей?

Трубка. Нам не нужно разрешения, товарищ Горбачев. Мы действуем согласно регламенту и решениям ученого совета. Есть график мероприятий.

Горбачев. И что по графику?

Трубка. Оцифровка мозга Владимира Ильича. Мы планово занимаемся этим давно. Но тут раздобыли чипы новые в Японии по случаю, и наш ученый совет принял решение перевести эту работу в круглосуточный режим. В связи с чем и приняли меры. То есть закрыли мавзолей для посещений.

Горбачев. И когда это закончится?

Трубка. Точные сроки вам никто не скажет. Дело новое. Процесс не новый, но завершать не приходилось. Поэтому нет ответа.

Горбачев. Отлично. Я пришлю вам комиссию ЦК.

Трубка. Воля ваша. Присылайте, конечно. Только обратно ее скоро не ждите. Взаимодействовать некому. Поймите это, наконец.

Горбачев кладет трубку.

Сцена шестая

Генеральный секретарь ЦК КПСС и канцлер ФРГ Гельмут Коль гуляют где-то. В Завидове, наверное.

Коль. Вы большой молодец, Михаил Сергеевич. Немцы вас никогда не забудут. Русские, впрочем, тоже.

Горбачев. Да уж. Вы только давайте не нахрапом, спокойно, не спеша. И деньги. Нам нужны кредиты, и много.

Коль. За это не волнуйтесь. Деньги будут, и закупки газа увеличим. И, конечно, продовольствие поставим.

Горбачев. А что американцы? Напряглись?

Коль. Ну а как же. Но на словах за нас рады. Но демонстрировать излишне крепкую дружбу тоже не стоит.

Горбачев. Мы выглядим проигравшими.

Коль. Ну вы же так и хотели – никаких подозрений.

Горбачев. Я не вполне уверен, что веду дела так, как надо было бы их вести.

Коль. Ну, знаете, это знает только история. Потом прочтете в учебнике и сильно удивитесь. Впрочем, и я наверняка тоже.

Горбачев. Пойдемте, дорогой Гельмут, узнаем – может, мы заслужили чего-нибудь поесть.

Смеются. Довольные собой и друг другом, уходят.

Сцена седьмая

Вашингтон. Округ Колумбия, США. Кабинет госсекретаря Бейкера.

Бейкер. И все-таки, Борис Николаевич, что будет, если республики начнут выходить из состава СССР? Что останется?

Ельцин. Я не знаю. Прибалтика уйдет – она спит и видит, как бы убежать. Остальные – не знаю.

Бейкер. Подумайте об этом. Вы сами-то чего хотите?

Ельцин. Я думаю, время решать этот вопрос не пришло. Если я изберусь президентом России, тогда я буду думать об этом. Гадать не хочу.

Бейкер. Но ведь сейчас даже механизма нет? Выхода – я имею в виду.

Ельцин. Да, и это проблема для Прибалтики. Может расти напряжение.

Бейкер. А что будет с КПСС? Что коллеги ваши, депутаты, думают на этот счет?

Ельцин. Есть разные мнения. Самые радикальные – это суд. Не знаю, что получится в итоге. До этого еще далеко.

Бейкер. Все может завертеться быстро. Хотя наши аналитики и не прогнозируют в ближайшее время. Но думать и готовиться надо.

Ельцин. Спасибо, что нашли время, господин госсекретарь.

Бейкер. Вам спасибо, господин Ельцин. Приятно принимать вас в Вашингтоне, и удачи в дальнейшей деятельности.

Ельцин выходит. Свет гаснет.

Сцена восьмая

Кабинет Горбачева. Кремль. Горбачев и Яковлев.

Яковлев. Теперь, когда Ельцина избрали президентом РСФСР, все пойдет очень быстро.

Горбачев. Да, похоже. Ястребы наготове, рвутся в бой?

Яковлев. Ну разумеется. Вы их вяжете, путаетесь у них под ногами.

Горбачев. Да, надоело уже играть в дурака.

Яковлев. А почему вы считаете, что распад неизбежен? Давайте проведем референдум. Я не думаю, что настроения центробежные так сильны.

Горбачев. А это неважно, какие настроения. Руководители республик почувствовали запах власти. Я им совсем не нужен. И вся эта пирамида не нужна. Они хотят сами. Свои шишки набить.

Яковлев. Пьянящий воздух свободы. Понимаю. И тем не менее давайте играть до конца.

Горбачев. Обязательно до конца. Обязательно.

Сцена девятая

Кенсингтон. Лондон, Великобритания. В перерыве заседания «Большой семерки» Горбачев и Тэтчер гуляют по территории какого-то особняка.

Тэтчер. Я поговорю с Мейджором, но не уверена, что нам сейчас по силам вытянуть тебя в одиночку. Последние события всем тяжело дались. Еще не оправились как следует.

Горбачев. Этим вежливым отказом вы меня просто без ножа режете. Я сюда приехал только в надежде на вашу помощь, что вы растолкаете всех. Мне нужна поддержка.

Тэтчер. Я понимаю, но вы ошиблись с Ельциным. Кто же заводит красивую подругу? Вот они все и ринулись. А вы ничем удивить больше не смогли. С вами стало скучно и обыденно. Разве трудно это было предвидеть? Вы же политик. Или нет?

Горбачев. Да черт его знает, кто я. Наверное, если и политик, то крайне неудачливый.

Тэтчер. Вот тут вы зря. Все вас будут помнить всегда. И чем дальше, тем благодарнее. Они забудут нынешнюю красотку, а вас – нет. Вот так, мой дорогой. А продлевая агонию, вы только ухудшаете свой исторический счет. Мой вам совет: уходите сейчас. Есть шанс уйти по-французски. Воспользуйтесь. Не цепляйтесь – проиграете и впечатление испортите. Поживите в отставке. Красота. Вы еще не понимаете, как это здорово. А я понимаю, и вам очень рекомендую.

Горбачев. Я понял. Огромное спасибо, что нашли время, и благодарю за искренние дружеские советы.

Тэтчер. Счастливо вам. *(Поворачивается к сопровождению, и они уходят.)*

Горбачев стоит и смотрит вслед.

Темнеет.

Действие второе

Сцена первая

Ельцин и Горбачев. Монтрё, Швейцария. Женевское озеро. Сидят на берегу. Едят мороженое.

Ельцин. Вот скажи, Михал Сергеевич, если бы еще разок дали бы прокатиться, ты бы так же поехал?

Горбачев. Абсолютно. Тебя бы только высадил. Ума не приложу, как будут выруливать.

Ельцин. И я бы так же. Поездил от души. Жаль – недолго. Вот время бы я увеличил.

Они сидели на лавочке. Светило не то мартовское, не то апрельское солнце. Было хорошо. Ну а когда в Монтрё бывает плохо? Даже когда казино горит, и то в результате хорошо потом.

Горбачев. Ты, конечно, Борис Николаевич, покуролесил знатно. Это оттого, что у тебя никаких задач не было – шел как идетя.

Ельцин. Результат потому что один: вот сидим мы тут, вне зависимости от плана и цели. И Набоков тут, и Фредди, и Чарли Чаплин. А почему? Потому что цель не имеет никакого смысла.

Горбачев. Ты девелопер, строитель по-нашему. Тебе бы построить неважно где, неважно как.

Ельцин (*недовольно выпячивает губу*). А ты-то кто – ставропольский хлебоборб или жополиз с кафедры научного коммунизма. Ну как, научно обосрались? Или недостаточно? (*Злорадно смеется.*)

Горбачев. Еще не вечер

Ельцин. Глубокая ночь.

Горбачев. У тебя просто нет стройного набора знаний. Ты не учился нормально. От этого у тебя вульгарное понимание происходящего, истории и устремлений человека.

Ельцин. Ну вот ты, ученый, как ты говоришь, – а что же так нарушил, что я тебя вышвырнул? Где же тут знания и логика?

Горбачев. Ты меня спас, я тебе очень благодарен.

Ельцин. Спас? Ну ты даешь. Я у тебя власть отобрал. Ты теперь как Хрущев или Николай Второй. Да, Николай Второй, наверное, точнее. Крушение империи.

Горбачев. Разве ты не скучаешь по империи? Все свое правление ты скучал по империи. Я видел. Имперское мышление – оно как коммунистические взгляды, только еще глубже сидит. Намного глубже. Ты метался. Хватался то за одно, то за другое. Пытался. Все тебя обманывали. Предавали. Вот за это и говорю я тебе спасибо, от всего этого ты меня и спас. Я стал свободен. Ты подарил мне время. Которого у тебя самого никогда не было.

Ельцин. Да, пожалуй, ты во всем почти прав. Кроме одного. Я тебя не спасал. Я хотел тебя выкинуть. И выкинул. Я не понимал глубины глубин и поэтому рвался к власти. А там нет ничего, кроме горечи в остатке. И этот остаток не проглотить никак

Горбачев. О, ты понял. Ты стал мудрецом наконец, поздравляю. Я восхищен. Не думал, что ты дотянешь до понимания. Вернее, что сможешь об этом сказать. О своем тотальном проигрыше.

Ельцин. Я не говорил о проигрыше.

Горбачев. Чем дальше будет идти история, тем отчетливее будет видно, как я выиграл и как ты проиграл. Оценки поменяются. Они уже меняются.

Ельцин. Ты врешь. Не может быть так, чтобы ты выиграл, а я проиграл. Я тебя уделал полностью.

Горбачев. Увидишь. Мне и делать ничего не пришлось. Ты все сам – и выиграл, и проиграл. У тебя был шанс за столбить победу, но ты его просрал. Вот так, дорогой Борис Николаевич. Предлагаю еще по мороженому. Больно хорошо: весна, воздух, а вид...

Ельцин (*сидит обиженный, но упоенный*). Давай еще по одному, согласен. Ты платишь, раз ты победил. (*Широко улыбается и раскидывает руки на спинку скамейки.*) Красота, вот тут ты прав. Отличное место нам с тобой досталось. За что? Почему? А, неважно. Дуй за мороженым, Михал Сергеевич!

Сцена вторая

Белоруссия. Где-то среди Беловежской пуши. В доме, где сбываются все мечты.

Шушкевич, Кравчук и Ельцин. Кажется, Томас Манн говорил, что после того, как сбываются мечты, лучшее остается позади. Вот и у этих троих ровно так и будет.

Ельцин. Ну что, вы готовы, ребята, потрясти мир? Закончим все разом – и империю зла, и холодную войну, и начнем сами строить будущее.

Кравчук. Давайте уже подписывать. Хватит пустой демагогии. Стол накрыт. Водка стынет. Теряем время.

Шушкевич. На правах хозяина – я первый.

Ельцин. Ну, давай ты. Хотя постой. Первый, конечно, я. И, ребята, мы не расходимся совсем, у нас будет СНГ. Мы не должны пропасть поодиночке.

Кравчук. Ну, конечно, Борис Николаевич, мы не пропадем, наверное. Но попробовать-то надо.

Шушкевич. Да, попробовать, конечно, очень хочется. Сами будем рулить. Без ЦК и без Политбюро.

Ельцин. Вам только дай. Вижу, наворотите дел. Да и я, похоже, тоже. Ну да ладно, семь бед – один ответ. *(Подписывает.)*

Кравчук *(радостно оглядываясь на присутствующих).*
Исторический момент!

Ельцин встает и уходит в другую комнату.

Шушкевич (*Кравчуку*). Нервничает. Давай подписывай быстрее, и заберем свои экземпляры, пока он не передумал.

Кравчук. Да не ссы, он пошел Бушу звонить. Чтобы потом уже Горбачеву некуда было деваться.

Шушкевич. Подписывай, подписывай.

Кравчук. На вот, возьми, я все подписал, теперь ты.

Шушкевич. Я быстро сейчас все подмахну.

Входит Ельцин.

Ельцин. Ну всё, ребята! Буш нас поздравил и пожелал успехов. Будет сейчас с Горбачевым созваниваться. По ракетам надо как-то решать.

Кравчук. А нам не надо по ракетам решать?

Ельцин. Пойдемте за стол, а? Я жрать хочу. Такое дело сделали. За столом ведь легче решать. (*Смеется.*)

Шушкевич. Приглашаю!

Сцена третья

Овальный кабинет. Белый дом. Вашингтон. Округ Колумбия, США.

Президент Буш разговаривает по телефону с канцлером ФРГ Колем.

Буш. Нет, реально, мне только что Ельцин звонил. Вот прямо сейчас подписали. Ты позвони Горбачеву, поддержи его как-то. Вы же друзья.

Коль. Невероятно, мы так не прогнозировали. Ну, по крайней мере, скорость.

Буш. В России всегда было вдруг. Или сразу, или никогда.
(Смеется.)

Коль. Надо с ракетами что-то решать. Они там наворотят. Ну, в смысле, могут.

Буш. Мы договорились с Ельциным, что Россия как правопреемница СССР возьмет все договоры на себя. Они продолжают действовать.

Коль. Хорошо, тогда есть основа.

Буш. Основа наша – это инерция процессов. Все идет как идет. У нас исчез враг, но непонятно, появился ли друг. Вот этим и надо заниматься.

Коль. Надо бы Тэтчер подтягивать к этим процессам.

Буш. Я позвоню ей. Поговорю.

Коль. Сейчас у них там жуть начнется. Пока они всё переделают.
(Смеется.)

Буш. Надо помогать, но не вмешиваться, пусть сами делают свои выводы и предлагают необходимое. Посмотрим, что получится.

Коль. Посмотрим.

Сцена третья

Хрущев и Горбачев в Юрмале. Гуляют по дюнам вдоль берега. Рассуждают о несбыточном.

Хрущев. Ну вот мы с тобой молодцы, удалось выскочить из петли, не увезли нас на лафете, была у нас жизнь после жизни. Это вообще-то впервые за все время существования нашего государства. И все в 20-м веке.

Горбачев. И всё благодаря тебе, Никита Сергеевич! Если бы не ты, этого бы ничего не было.

Хрущев. Вот Запад ведь это преодолел. Цареубийство или его противоположность – смерть на троне.

Горбачев. Они поняли, что коллективная власть снимает опасность ее мгновенной потери. Они прагматично смотрели и смотрят. А у нас традиционно ничего не меняется. Мы с тобой просто случайные исключения.

Хрущев. Ну да, подтверждающие правило. И тем не менее логика должна победить не логику. Был бы я счастливее, проработав всю жизнь в Юзовке слесарем? Неизвестно.

Горбачев. Или взять Джимми Картера. Сколько сил и жизней положили, чтобы не дать ему переизбраться – и где они все? Давно в могиле. А он прожил целую жизнь после отставки. Grimасы и торжество прагматизма.

Хрущев. Ну ты-то тоже смог. Посадить корабль без потерь. Мы с тобой приземлили кое-как, пока человеческий ресурс совсем не закончился.

Горбачев. Я думаю о зависти. Это то чувство, которое убивает все живое и отравляет жизнь человечества. Именно через эту щель идут все манипуляции и людьми, и народами.

Хрущев. Человек несовершенен. Именно в этом коренная ошибка марксизма. Вернее, она в том, что пороки не искореняются в течение лет. Они, как мы видим, и в течение тысячелетий не слишком двигаются к лучшему.

Горбачев. Они движутся к худшему. Вспомни 60-е. В мире витал дух счастья и свободы. Казалось, вот-вот – и полетим. И полетели...

Хрущев. Проблема другого поворота. Ну да.

Горбачев. Я замерз, пошли, я тут одно место знаю, чудесный кофе там делает Стелла.

Хрущев. Стелла (*улыбается*). Ну пошли, посмотрим на Стеллу.

Горбачев. Да ладно тебе. Все преувеличиваешь.

Уходят.

Сцена четвертая

Кабинет, вернее – зал для совещаний в Государственном департаменте США. Три сотрудника проводят брифинг для старшего советника.

Старший советник. Ну что у нас с этим делом?

Первый сотрудник. Поступил запрос от России оказать помощь в написании новой конституции.

Второй сотрудник. Мы – теоретически – можем отправить к ним пару профессоров по конституционному праву. Но должны ли мы это делать?

Третий. Считается, что так хочет президент Ельцин. Он любит все американское. Но ведь он просто не отдает себе отчета. Конституция – не рецепт кока-колы или чизбургера.

Старший советник. Так что я должен сказать госсекретарю? Что мы переживаем, что нас неправильно поймут?

Первый. Ну да. Мы будем считать, что там устойчивая демократия, основанная на хорошей конституции. А там будет все как обычно.

Второй. Журналисты наши будут писать про конкурентные выборы, а система будет работать как обычно.

Старший советник. Я понял: помогаем, но без иллюзий. Отлично. Список предлагаемых профессоров? (*Берет список.*) Отлично. Тогда на этом закончим. Спасибо, ребята.

Сцена пятая

Кабинет президента РФ Ельцина Бориса Николаевича. Точно неизвестно, до или после феерического ремонта. Ну, красиво в целом. Не то что при коммунистах.

Борис Николаевич лежит на диване в комнате отдыха. Заходит помощник и говорит, что звонит Билл Клинтон.

Ельцин. Ах чтоб его, только я подремать хотел. (*Садится.*) Что делать? На этих телефонах или на тех?

Помощник. На тех.

Ельцин встает и идет в кабинет. Берет трубку.

Ельцин. Привет! Рад слышать! Как здоровье? Как Хиллари?

Клинтон. Спасибо, спасибо. Все в порядке. Хочу тебя от имени «Семерки» пригласить подъехать к нам, поучаствовать.

Ельцин. Ты как-то странно говоришь. Или переводчик у меня такой. Говоришь прям как наш чиновник и в баню зовешь. Наверное, мои так переводят.

Клинтон. Нет, в баню не зову. Посмотрел разок. Сделали мне экскурсию. Это, наверное, надо с детства полюбить. (*Смеется.*) Ну, в общем, считаем, что ты приглашение принял. Если, конечно, у тебя не случится опять чего. Война какая или осада парламента. С тобой не соскучишься. (*Смеется.*)

Ельцин. Кавказ – это наше дело. Разберемся как-нибудь.

Клинтон. Ну-ну, разбирайся. В общем, ждем. Всего доброго.

Ельцин. Спасибо за приглашение. (*Кладет трубку.*)

Ельцин. Не надо было разговаривать. Видишь, давят нас они по Кавказу, а нам и сказать нечего.

Помощник. Чего нечего?

Ельцин. А ничего нечего. Всё! Не соединять и никого не пускать. Иди.

Помощник. Понял.

Помощник уходит. Борис Николаевич возвращается на диван.

Темнеет.

Сцена шестая

Кабинет Ельцина в Кремле. Хозяин говорит по телефону.

Трубка. Вот вы заявили, что снесете мавзолей. Этого делать никак нельзя, как вы этого не понимаете.

Ельцин. А что тут понимать. От него все беды. Похороним Ленина, сравняем мавзолей с землей и заживем.

Трубка. Вот даже как. Но этого же не будет.

Ельцин. Чего?

Трубка. Жизнь хуже или лучше – это все субъективно очень. А Ленин в мавзолее народу нравится. Он как бы часовой. Он часть Красной площади, часть этого странного, но уже устоявшегося мира. Он идол коммунизма, если хотите. Будда интернационала.

Ельцин. Какому народу он нравится? У них сегодня одно, завтра другое. Я им тоже нравился, а сегодня они готовы меня выносить.

Трубка. Вот-вот, а мавзолей – это стабильность. Якорь. Зачем вы себя хотите лишиться якоря? Хотите быть Геростратом? Ельцин, который похоронил Ленина. Вот Хрущев похоронил партию, и что хорошего для него это дало? Вспоминают без удовольствия.

Ельцин. А должно быть наоборот. Если я его не похороню, никто не похоронит, вы понимаете?

Трубка. Так это и прекрасно. Вот сейчас мавзолей на реставрации, включая вождя. А потом, когда реставрация закончится, вы поймете, что могли совершить опрометчивый поступок. Поймете-поймете.

Ельцин. Ну, хорошо, я подожду, подумаю еще.

Трубка. Да-да, сделайте шаг назад, и все вам будут очень благодарны. Особенно мы, старые, в прямом смысле этого слова, марксисты-ленинцы.

Ельцин. Ладно-ладно, знаем мы, какие вы старики: яйца крутите, как молодые.

Трубка. Ну-ну, не преувеличивайте. Мы мягкие, ибо мудрые. Чего можно добиться грубым нажимом – только слома. Дальше работать не будет. Нам же нужен мавзолей в рабочем состоянии. Он, как нынешние говорят, – точка сборки. Сбора всех потерявшихся и заблудившихся. А вы хотите сломать маяк и ориентир. Сгоряча, впопыхах и от неудовольствия. Да и личная месть вам не к лицу. Вы же человек другого масштаба, Борис Николаевич. *(У собеседника вдруг проявляется не слышимый раньше акцент или интонация.)* Ладно, заболтался я с вами. Всего доброго и спасибо, что выслушали.

Ельцин. Да, всего доброго. *(Кладет трубку.)* Кто это был?

Помощник. Так он не представился. Сказал, что вы ждете. Я вас спросил – вы сказали: давай быстрее соединяй.

Ельцин. Да, мне должен был срочно Черномырдин, там, одно дело доложить. Эх, ерунда. Такое ощущение, что с того света звонили. Такой странный голос и разговор.

Помощник. Мне тоже голос показался похожим – такой киношный, очень знакомый.

Ельцин. На кого похожий?

Помощник. Ну, знаете, так Ленин киношный иногда говорил.

Ельцин. Ты хочешь сказать – мне Ленин звонил?

Помощник. Извините, Борис Николаевич. Вот Виктор Степанович звонит, соединяю?

Ельцин. Давай.

Сцена темнеет.

Действие третье

Сцена первая

Сотрудники АП обсуждают концепции выборных стратегий. Где-то на Старой площади или во дворах Ильинки. Возможно, у кого-то в кабинете или в кафе.

Первый (*молодой и задорный*). Мы просто должны отталкиваться от противного. Было плохо при коммунистах, а с нами стало хорошо. Свобода, езжай куда хочешь, читай чего хочешь, занимайся чем хочешь. Сделаем всё на нежелании возврата.

Второй (*менее молодой и более скептический*). А ты уверен, что они не хотят обратно? Вот даже я хожу на дискотеки восьмидесятых. Ностальгия на фоне экономических трудностей – это горячая смесь.

Третий (*взрослый*). Дело, мне кажется, даже не в этом. Отрицание плохой идеологии – это не лучше, а хуже, чем плохая идеология. Потому что у отрицающего нету никакой. Что мы продвигаем – вот эту свободу? А мы что объясняем с ней? Что в пакете? На каких принципах она, к чему ведет, что обещает? Праздник – он кончается, а посуду мыть придется. Этого понимания нет. Вернее, есть понимание отрицания, но нет понимания созидания. Против чего – есть, а за что – нет.

Первый. Вы всё усложняете. Нам надо продать ближайšie полгода, а не следующие десять лет. И нам надо хорошо с вами заработать. (*Смеется.*) Так?

Третий. Так, это не обсуждается. Мы готовы вешать на наши майки любые лейблы, лишь бы их владельцы платили и были против коммунистов или хотя бы параллельно «за».

Второй. Но ты прав, все это так, конечно, нашего цинизма никто не отменял, но конструкция висит в воздухе. Это ты прав, и это надо учитывать в работе. Если второй тур – ситуация может резко обостриться. Нам понадобится идеологический ресурс.

Первый. Ну вы даете. Да он у нас под руками. Защита отечества. Только власть может тебя защитить. Действующая, надежная.

Третий (второму). Видишь, молодежь может делать симулякры прямо из воздуха. Прямо на ходу (*Смеется.*)

Первый. Художника обидеть может каждый. Но мне кажется, это наш единственный гарантированный путь к победе. Может, и неуверенной, но надежной. Главное, чтобы Ленин из мавзолея не вышел. (*Смеется.*)

Третий. Да, это важное условие (*Не смеется.*) Ну, будем надеяться, что чуда не случится. Не при нас. (*Смеется.*)

Разговор продолжается, свет постепенно гаснет.

Сцена вторая

Где-то на Елисейских полях. Париж, Франция.

Жак Ширак и Борис Ельцин сидят на веранде.

Ширак. А как вы смотрите на дальнейшее развитие событий в Европе, к примеру?

Ельцин. Ну как я смотрю. Мне говорят, что все идет неправильно, вы кроите под себя бывшие страны соцлагеря, да и с бывшими республиками Советского Союза не особенно церемонитесь. Я и сам вижу, но это их выбор, разумеется. Но и к нам, если вы пригласили нас участвовать в «Большой восьмерке», надо проявлять уважение и спрашивать нас, совершая те или иные движения.

Ширак. Мы всегда спрашиваем.

Ельцин. Но не слушаете ответов. Вы, конечно, молодцы – перебежали Союз, победили социализм, но все-таки.

Ширак. Я вас понял. Хорошо. Мы это обязательно обсудим. Я-то вообще другое имел в виду. Как вы видите собственное развитие России через двадцать-тридцать лет? Куда вы ведете страну?

Ельцин. Я хочу, чтобы не было духу коммунизма в стране через двадцать лет. Я не смог судить КПСС и не похоронил Ленина еще. Но эти события должны состояться в этот период обязательно.

Ширак. А чем вы замените коммунистическую идеологию? Наверное, она сильно укрепилась в обществе за семьдесят лет?

Ельцин. Проблема, конечно, есть. Но в целом люди видят теперь, читают документы, смотрят фильмы.

Ширак. Не знаю, мне говорят, что пропаганда антикоммунизма почти отсутствует, а коммунисты вовсю проповедуют по-прежнему свои идеалы. Мне кажется, время упущено. Это окно закрылось.

Ельцин. Да бросьте, мы еще просто не начинали, очень много текучки. Возьмемся – и все это сделаем. Мы могучие. Все свернем.

Ширак (*поеживаясь*). Это-то да. Ну, хорошо. (Переводит тему.) По устаревшим вооружениям идет вроде неплохо утилизация. Франция тоже дала гранты на утилизацию реакторов.

Ельцин (*перебивает, настроение испортилось*). Да-да, тут вроде движемся, все довольны. Коррупция – вот что заедает совершенно. Приватизация не помогла. Что делать, ума не приложу.

Ширак. Судебная система не работает. Нет реального разделения властей. У вас власти больше, чем у нас в «Семерке» вместе взятых. Мы бесправны по сравнению с вами. Но это и держит систему в равновесии.

Ельцин. Все боятся. Разделение властей должно держаться на авторитете этих ветвей, а у нас все скатывается к ногам исполнительной власти само собой. Все жезлы, шапки и тюбетейки. Хреночина полная это ваше разделение властей. Не подходит нам. Не подходит. (*В раздражении стучит рукой по столу.*) Они хотят только царя, все хотят только царя, снизу доверху все-все-все, черт их дери. (*Продолжает стучать по столу.*)

Ширак. Понятно.

Ельцин. Досада.

Ширак. Как вам устрицы?

Ельцин. Ненавижу. В смысле, очень хороши. (*Отворачивается к переводчику.*)

Ельцин. Ты сглаживаешь?

Переводчик. Разумеется, но их переводчик – вряд ли. (*Улыбается.*)

Ельцин. Вот дьявол. Да и хрен с ними. (*Поворачивается обратно к Шираку.*) Извините, я бываю несдержан.

Ширак. Все отлично. Еще чего-нибудь?

Посиделки продолжаются. Париж неотразим. Темнеет.

Сцена третья

Борис Березовский и какой-то человек из АП или ФСБ. Ну, в общем, откуда-то из-за стены. Разговаривают, сидя в дешевой закуской на Кузнецком мосту. Кругом куча бомжей и подростков.

Березовский. Вот ты мне скажи, каким образом он собирается держать в узде эту разваливающуюся элиту? Ну как? Они все, и вы все, нахватали уже собственности, пережевать не можете, и что дальше? Что – назначенные собственники все это удержат? Чушь собачья. Да еще при наличии конфликтов в регионах. Я про Чечню даже и не говорю.

Собеседник. Ну ты от меня чего хочешь услышать? Надо искать. Вот некоторые считают русский патриотизм хорошим вариантом. Другие предлагают взяться серьезно за церковь, в смысле продвигать. Третьи считают, что рынок все вытянет, конкурентные выборы, сильные партии, парламентская республика дадут возможность олигархам мирно конкурировать, а нам, бюрократам, спокойно управлять.

Березовский. Не верится что-то, что вы дадите развиваться такой красоте. Если красиво – значит, невозможно. Это я имею в виду последний вариант. Первые вообще левые какие-то. Неживые. Русский патриотизм! Замучаетесь потом их сажать, когда они начнут вас жизни учить. *(Смеется.)*

Собеседник. Ну ты прав, прав. Ты-то сам чего хочешь? Чтобы джойстик в руке – и ты рулишь, рулишь, рулишь? И потом все ахнут, как ты нарушил, управляя ситуационно, как настоящий гений и пророк. Так, что ли?

Березовский *(смеется)*. В общих чертах – да. Угадал.

Собеседник. Так кто ж тебе даст?

Березовский. Ну, есть одна идея. Но делиться ею еще рано. Сырая больно. Размен, как всегда, для поддержания динамики, чтобы не свалиться в пропасть. Это, так сказать, стиль действия, а деталей пока нет. Поэтому и сказать особо нечего. Сколько, думаешь, осталось времени?

Собеседник. До чего?

Березовский. Ну до того, как он решит идти на третий срок, конечно, до чего же еще.

Собеседник. Так нельзя же: конституция.

Березовский. Не смей меня. Он царь – ему все можно. Увидишь.

Собеседник. Ты серьезно?

Березовский. Серьезно-серьезно. Я побежал. А то, вижу, народ любопытный собирается. А ты посиди, посиди, скушай чего-нибудь.

Собеседник. Здесь?

Березовский. Ну а что, народ же ест. А ты кто? Соль земли!

Уходит. Собеседник с недоумением смотрит ему вслед.

Свет гаснет.

Сцена четвертая

Мавзолей или где-то под ним. Помещения института. Двое сотрудников. Беседуют. Потом к ним приходит еще сотрудник – наверное, старший.

Первый. Все-таки мы в этом году вряд ли закончим. Вот увидишь.

Второй. Почему? Все идет неплохо вроде.

Первый. Кончатся носители. Оказалось, что надо намного больше. А теперь мы не впираемся в бюджет. Надо самолет, надо лететь в Японию. Ну, в общем, не уверен, что руководство разрулит.

Второй. А я не знал. Мы-то кожными покровами занимаемся, далеки от оцифровки. Неужели все так плохо?

Первый. Ну не то чтобы плохо, но не очень хорошо. Правда, сейчас изготовители памяти на подъеме. Размеры уменьшаются, так что в отведенные кубометры мы точно влезем. *(Смеется.)*

Второй. А мы, представляешь, научились волосы выращивать. Прорыв, можно сказать. Он лежит, а волосы растут.

Первый. Ну, хоть что-то растет. Жаль, что не зарплата.

Дверь открывается, заходит сотрудник, по манере держать себя – руководитель.

Начальник. Всё сидите, всё треплетесь.

Первый. Не треплемся, а обмениваемся новостями. Вот они, к примеру, выращивают волосы. А мы когда будем выращивать память?

Начальник. Ищем деньги. Как найдем, так сразу. Меня тут обещали с одним человеком познакомиться – говорят, у него есть деньги. Может, заинтересуется. Тогда все пойдет очень быстро.

Первый. Скажите, если надо будет активировать. Для демонстрации, буквально на несколько минут. Мы не держим мощность совсем пока.

Начальник. Так и хорошо, это продемонстрирует потребности. (Смеется.) Демонстрация, может, и на потребуется. Хотя кто чем только не шутит.

Уходит. Оставшиеся продолжают разговор. Свет гаснет.

Сцена пятая

Мировая закулиса. Нью-Йорк. Ресторан на Манхэттене. Ланч. Банкиры. Беседуют.

Первый. Очень активные русские предлагают активы. Входить. Выводить на биржу. Тайно владеть. Или еще как – мы придумаем. Иные предложения такого масштаба, что придется идти в Вашингтон.

Второй. Да, у меня тоже есть что-то подобное. Но меня интересует не вход, а выход. (Смеется.) С кем договариваться? Там ведь не поймешь, кто за что отвечает.

Первый. Я полагаю, мы можем идти в такое только с чиновниками. Пусть они договариваются с русскими за нас.

Второй. Ну как обычно в таких случаях – согласен. Развивающийся рынок – и вперед.

Первый. А что страховые? Тебя поддержат?

Второй. Если будет государство в деле? Бросятся наперегонки, ты их не знаешь, что ли?

Первый. Будешь брать что-то добывающее – коммодитиз?

Второй. Разумеется. Может, даже открою дочерний банк для этого. Или с немцами что-нибудь такое сделаю. С Дойчем.

Первый. Понятно. Посмотрю на тебя тогда. И потом, может, и сам. Сейчас делаю понемногу. Пробное. Но через третьих лиц.

Второй. Ты осторожный.

Первый. Хорошие стейки здесь.

Второй. Как всегда.

Беседа продолжается. Свет понемногу гаснет.

Сцена шестая

Троцкий и Бухарин в Красной Поляне. Сидят в баре. Утро. Народу никого. Блестит мартовский снег. Пьют кофе.

Бухарин. Я имел разговор с Горбачевым, ну да, и что? Да, я последовательный эволюционист. Сначала село, потом промышленность, а потом хеви-метал и Днепрогэсы с Магнитками.

Троцкий. Ну и прекрасно. Ты эволюционист, но ты же не против перманентной революции, не против интернационала. Мировой революции.

Бухарин. Конечно, не против.

Троцкий (*смеется*). Вот видишь, не зря тебя Коба извел – ты настоящий троцкист! А если так, то значит, Горбачев – наш попутчик. Он только не понял этого сам.

Бухарин. Мне кажется, он оказался на своем месте в нужное время. Как это ни странно звучит.

Троцкий. Вот! Но у нас задача усложнилась, ибо Ельцин собирается Ленина хоронить, а этого, как ты понимаешь, делать

никак нельзя. И главная проблема – он никого из нас слушать не будет. Он сейчас ощущает себя борцом с коммунистической идеей.

Бухарин. Беда. Большая беда. Какой план? Есть идеи?

Троцкий. Есть парочка, но все хилые. Одна, правда, по твоей части. Тоже нэпманов развел. Вот сейчас опять они проросли. На них надежда. Бюрократы нам сейчас не друзья. Смотрят, как босс делает.

Бухарин. Ну, тогда говори, чего делать.

Троцкий. Скажу, не торопись.

Разговор продолжается. Свет постепенно гаснет.

Действие четвертое

Сцена первая

Мавзолей. Ленин лежит. Рядом на стуле сидит Березовский. Входит сотрудник.

Сотрудник. Как вы себя чувствуете, Владимир Ильич? Все хорошо?

Ленин. Да, все нормально, голубчик. Кто тут у нас? Я вроде не звал никого.

Сотрудник. Это Борис Абрамович, он очень помог нам на этапе перезагрузки данных. Места не хватало, он нашел сервера, очень вместительные. Очень просился лично поговорить.

Ленин. Понятно, ступайте, голубчик!

Садится и поворачивается к Березовскому.

Ленин. Спасибо, Борис Абрамович, вы прям как Троцкий – всегда, когда надо, вы здесь. Как вы поживаете? Чем занимаетесь теперь?

Березовский. Не передать моих ощущений от встречи с вами! Долго еще буду переживать этот момент. Не буду отрывать вас от ваших дел. Тем более что волей случая знаю: не все еще в порядке. Идет отладка.

Ленин (*перебивает*). Бросьте эти политесы.

Березовский. Главный момент – не дать закрыть мавзолей, этим сейчас и занимаюсь. Если Ельцин пойдет на третий срок, он обязательно это сделает. Хотя сейчас электорату все равно, но это его старое обещание и личная неприязнь, основанная на неудачном жизненном опыте.

Ленин. Понятно.

Березовский. Поэтому у нас сходятся сейчас интересы. Мне надо не допустить третьего срока. Вам надо сохранить мавзолей. Мы попутчики и соратники теперь.

Ленин. Очень хорошо, голубчик! Что должен делать я?

Березовский. Помогите убедить Ельцина не идти на третий срок.

Ленин. А что – дефолта мало?

Березовский (*смеется*). Это вообще не аргумент. Нужно что-то совершенно из другой оперы. Сугубо клановое, кулуарное,

семейное. Только от этих людей и только влиятельная позиция. От тех, кого он услышит.

Ленин. Здоровье? Мировые светила медицины?

Березовский. Скорее, политические глобальные фигуры, способные убедительно ему гарантировать процветание семьи после его ухода.

Ленин. Понятно. Ротшильд, Рокфеллер. Что-то в этом роде?

Березовский. Ну да. Приятно говорить с деятелем мирового исторического масштаба. Чувствуешь себя маленьким заблудившимся мальчиком.

Ленин. Так только Сталин умел подкатывать. (*Смеется.*) Вы очень опасный человек, Борис Абрамович!

Входит сотрудник.

Березовский. Не буду больше отвлекать, побежал.

Ленин. Я дам знать. Или все будет и так вам понятно.

Сцена вторая

Лужков собрал у себя чиновников и олигархов. И московских, и немосковских. Играли в футбол, пили водку и ели шашлыки. Где-то на Успенском шоссе, в каком-то конном клубе-манеже.

Лужков. Вот вы мне скажите: зачем третий срок? Не может быть третьего срока. Зачем с такой кровью принимали конституцию?

Федерал. А кто вам сказал, дорогой Юрий Михайлович, что он собирается нарушать конституцию? Он просто расширяет рамки ее действия. *(Смеется.)* Вот и всё.

Олигарх. Нам главное, чтобы не развалилось все опять, еле дефолт пережили. Вам-то, чиновникам, все нипочем, а бизнесу трудно выживать в таких условиях.

Лужков. Да ладно вам прибедняться. Госзаказ, земля в шикарных местах по бросовым ценам, внешнеторговые контракты, то есть гарантированный вывоз капитала. Что еще вам надо? А нестабильность – она, конечно. Нужно, чтобы все эти радости были стабильными. Это я понимаю и готов гарантировать.

Вице-мэр. Вот Юрий Михайлович у нас чем не кандидат? Лучше и желать не надо – а, ребята?

Сотрудник АП. Так мы все только за, только вы меня не выдавайте.

Олигарх. Дак чего тебя выдавать, все и так знают, что ты за. *(Смеется.)*

Лужков. Главное, чтобы Березовский не мутит сверх меры. Все-таки это такие кадры, что не дай бог. Это он, наверное, Бориса Николаевича настраивает.

Федерал. Да с чего вы взяли, что он? Он, по легенде, и не встречается с ним даже. Может, только в большой компании. Там другие есть, кто не хочет, чтобы он уходил. Антикоммунисты.

Лужков. Да, эти еще хлеще. Но мне кажется, если мы все поднажмем, то все будет правильно. Главное, чтобы под ковром. Все это не должно вылезать наружу. Иначе начнется свалка. Демшиза, патриоты, коммунисты. Будет карнавал.

Олигарх. Разумеется. Только сговор, конечно. Тихий шепот души.

Лужков. Да ты поэт. Не знал.

Олигарх. Ну, не всем же пчел разводить.

Лужков. Ладно, пошли еще немножко побегаем. А то замерзнем.

Наездница (*проезжает мимо верхом*). Я вас отопрею.

Сотрудник АП. Тогда можно и не бегать. (*Все смеются.*)

Наездница уезжает, пришпорив коня.

Сцена третья

Госдеп. Вашингтон. Округ Колумбия, США.

Брифинг для старшего сотрудника. В зале несколько человек из «русского» отдела.

Первый. Там сейчас у них переполох. Кто-то запустил информацию, что Ельцин остается на третий срок.

Второй. Не кто-то, а он сам. В раздумьях.

Третий. Там очередь кандидатов, и все теперь в недоумении. Боятся сделать фальстарт.

Старший сотрудник. Так, это я понял. А что за история с мавзолеем и захоронением тела Ленина?

Первый. Старая история. Борис Николаевич много раз обещал, что похоронит. И теперь опять поползли слухи.

Второй. Да, якобы дал команду готовиться к захоронению и потом разрушить мавзолей.

Старший сотрудник. Так это же будет там один сплошной митинг.

Второй. Ну да, волнения с непредсказуемыми последствиями.

Старший сотрудник. А наш посол не пытался разговаривать?

Третий. Пытается, но пока ничего особо не получается. В паблике темы нет. МИД российский, соответственно, проблему отрицает. Что на самом деле, мы не знаем.

Старший сотрудник. Я понял. Поговорю с послом и доложу госсекретарю ваши соображения. Спасибо, ребята.

Все расходятся. Свет гаснет.

Сцена четвертая

Кабинет президента Ельцина в Кремле.

Хозяин кабинета сидит в комнате отдыха с Варламом Шаламовым.

Ельцин. Ну скажи ты хоть мне, почему все так не хотят, чтобы я шел на третий срок. Ведь ничего не успел. А главное – не успел этого похоронить. Разве так правильно? Я же должен выкорчевать эту заразу. Иначе зачем это все? Зачем я вообще этим всем вот так. (*Рубит рукой воздух.*)

Шаламов (*тихо*). Да ты не горячись. Есть настоящее, а есть вымышленное. Ты вот настоящий был. Но потом разнесло тебя в ненастоящее всякое. Люди растопили главное. Разобрали.

Ельцин. Так что теперь-то делать? Ничего я не сделал, не смог, прозевал. А мне говорят: идти нельзя на третий срок, здоровье уже не то. Но я же живой, я хочу чувствовать, что живу.

Шаламов. Ну и живи. Люди и на Колыме живут. Ты будешь жить в отставке. На даче. С семьей. Красота. Не дожидайся. Сыграй на опережение. Уйди сам, первым, не дожидаясь.

Ельцин. Некрасиво.

Шаламов. Зато честно. Пусть судят, как хотят. Но не наделай большего, чем уже сделал. Не переполняй чашу.

Ельцин. Может, ты и прав. Может, и прав. Значит, говоришь, Солженицын ненастоящий? А ты? Сам-то?

Шаламов. Мне для себя важно быть. Важно, чтобы я понимал, какой я. А дальше все равно. А про других – мне не нравится, когда меня сравнивают. Клише. Зачем это мне? Поэтому, бывает, и сужу. Хотя это и ненужное дело. Да ладно, чего обо мне, мы же о тебе собрались тут говорить.

Ельцин. Отказаться и уйти прямо сейчас? А давай, так и сделаю.

Шаламов. Подумай сначала, а уж потом.

Ельцин. Ага.

Свет гаснет.

Сцена пятая

Гольф-клуб на Мосфильмовской. Москва, Российская Федерация.

Лужков и Березовский сидят в ресторане, обедают.

Лужков. Не ожидал ни того, что он откажется, ни того, что мы с тобой будем сидеть и разговаривать. (*Смеется.*)

Березовский. Времена такие, что требуют нестандартных шагов. Какие планы? Выборы?

Лужков. Ну, как говорят, я лучший кандидат с шансами на победу. У меня Москва, и большие регионы со мной.

Березовский. Откажись.

Лужков. С какой стати? Ты от кого говоришь-то?

Березовский. Откажись, и я гарантирую, что тебя на Москве никто не тронет еще много лет. Будешь мэрствовать вовеки веков. Зачем журавль, когда у тебя такая синица, что толще иного журавля. А?

Лужков. Заход хамский, во-первых. Во-вторых, ты сильно рискуешь, говоря со мной о таком.

Березовский. Именно, и если ты понимаешь, чем я рискую, то должен оценить мое предложение.

Лужков. А если тебя не будет, кто ответит за слова?

Березовский. Я никуда не собираюсь, но если что, мы конфигурацию гарантий придумаем. Если согласишься.

Лужков. Даже если я соглашусь не ходить, в договоренности не входит, кого мне поддерживать. И не войдет.

Березовский. Разумеется. Речь только о тебе.

Лужков. Я подумаю. Ты есть будешь или побежишь?

Березовский. Я так понимаю, это не вопрос. (*Смеется.*) Я побегу.

Сцена шестая

Где-то у мавзолея. Красная площадь. Москва, Россия.

Кабинет Ленина. Ильич говорит по телефону. То ли с Троцким, то ли с Кэнноном. Ну, с кем-то из них. Или с Бухариным.

Трубка. Ну и что дальше-то, Владимир Ильич? Ну отвадили мы этого Бориса Николаевича – это хорошо, конечно, но впереди-то тьма тьмущая. Слякоть, все топчутся. Лезут напролом.

Ленин. Ничего, очухаются. У меня зато вроде появилось понимание, как нам выкруливаться. Я все смотрю на Китай и понимаю, как они растут и почему. Вот в их тени мы сейчас передохнем, как они раньше в нашей. И дальше мы перестроимся и покатаем сами.

Трубка. Так уже вроде перестраивались.

Ленин. Тогда эксплуатировали форму, а теперь перестроим содержание. Будем интернационал и перманентную революцию через себя пропускать. Экспансия, но через, а не вовне.

Трубка. Масло масляное.

Ленин. Может быть. Но иного пути нет. Мы должны построить мир так, как я хотел построить СССР. Вернее, формально построил, но не наполнил содержанием. Теперь я не отступлю.

Трубка. Как будет работать экономика-то? В ней же загвоздка. Пассионарности нам не занимать.

Ленин. Именно. Мы экспортировали революцию, давая деньги, или технику, или оружие. И ничего не получалось, ибо наша пассионарность не экономическая. Теперь мы будем развивать наш мир, как Америка развивала Китай. Новообращенные будут работать, зарабатывать прибыль и вкладывать дальше, неся

партбилет на груди. Пирамида идеологии. А не денег. Не капитала, а мировоззрения. Вот так победим.

Трубка. Вот гений – он и есть гений. Спасибо, Владимир Ильич! Как всегда, спасли мировую революцию. Ура!

Ленин. Ладно, давайте работать. Мне на подзарядку, а вам в небытие. До следующего свидания. Пока.

Трубка. Пока. Отключаюсь.

Гудки. Ленин кладет трубку. Мрачно смотрит в стену. Гений всегда одинок, лидер – тем более. Так написано в контракте.

Сцена седьмая

На сцене двое. Мужчины в костюмах.

Первый. Вот сплошные же нарушения, а кого хватать – непонятно.

Второй. Непонятно.

Первый. Но хватать надо, иначе мы неэффективны.

Второй. Это смотря чего мы хотим добиться.

Первый. Мы – ничего. В смысле – чтобы нас не трогали, оставили в покое жить своей жизнью.

Второй. Но начальство-то чего хочет?

Первый. Это и есть вопрос. То ли тоже ничего. То ли не знает, чего хотят от него.

Второй. Вот сейчас за чем следить? За переходом собственности или власти? Если как в учебнике, то надо следить за собственностью. А если как у нас в реале, то за властью.

Первый. Ну да, где власть, там и собственность.

Второй. Видишь, уже линия есть, а решения нет. Давай разделимся. Я буду следить за собственностью, а ты за властью.

Первый (*смеется*). Интересно, как быстро мы встретимся?

Второй. Интереснее – где.

Пожимают руки и расходятся.

Конец.